

■ Когда у человека нет ощущения Целого, он не в состоянии выходить за пределы собственных границ, за пределы узкого мирка, который мы называем миром. Новое приходит оттуда, когда мы выходим на границу собственной бездны. У каждого из нас есть бездна. Эта бездна отчасти наша, а отчасти она уходит в то самое Целое. Если мы можем стоять перед этой бездной, на последней кромке жизни, глядываясь в этот Океан Сущности (так схоласты в своё время определяли Бога), если у

ТВОРЧЕСКОЕ ОДНОЧЕСТВО — ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ВЫХОДА ЗА ПРЕДЕЛЫ ЭТОГО МИРА, КОТОРЫЙ НАС СИЛЬНЕЙШИМ ОБРАЗОМ ГИПНОТИЗИРУЕТ

нас разблокирована интуиция, тогда оттуда, из этого Океана, приходят некоторые творческие импульсы. И уже потом мы их сами переводим, если мы на это способны. Тогда мы одновременно мистики, интуиты и собственные переводчики. Если такое происходит — это и есть творчество.

■ Вечность не нуждается в переменах и во времени. Она всегда есть. Это мы стоим под вопросом: а есть ли мы? Если мы не ощущаем Реальность, если мы живём только своими тревогами, своими амбициями, своим соревновательным инстинктом, охотой за деньгами, то тогда нас нет. Мы не реальны. Потому что быть реальным — это значит быть частью той большой Реальности. Это значит, повторю, выйти за пределы собственного маленького этого, в котором, как в камере-одиночке, заточена большая часть современных людей.

■ То, что с ним происходит, не обязательно может сопровождаться полной осознанностью. Есть вещи, которые выше нашего понимания. Человек, который открывается Реальности, становится доступным реальности, ведёт себя более или менее адекватно. Он перестаёт тревожиться, он перестаёт быть подверженным страстям, амбициям, аффектам. Он ни на чём не настаивает. Он ни на что не претендует.

Он просто есть, и этого ему достаточно. Он может быть один, более того, ему хочется быть одному, точнее, наедине с Реальностью.

■ Творческое одиночество — одно из условий выхода за пределы этого мира, который нас сильнейшим образом гипнотизирует. Мир — это суперудав, который претендует на нас, а большинство из нас — это кролики, которые этому удаву сознательно или несознательно подчиняются. Я вспоминаю роман Ивана Ефремова «Час быка». Там описаны процедуры, с помощью которых власть манипулировала сознанием большинства людей, эти процедуры надо было обязательно пройти. То же самое делают с нами современные СМИ, шоу-культура.

■ Человек, который, говоря словами Хайдеггера, открыт бытию, едва ли станет кроликом. Живая Вселенная говорит ему больше, чем реклама. Он чувствует, что другой человек — в каком-то смысле его продолжение, он не закупорен в своём любимом, как бы суверенном Я. Он чувствует, что кошка, собака, деревце — это тоже он, он пронизан холистическим чувством, чувством целого. Поэтому он в состоянии не противопоставлять себя другому. И поэтому он свободен от себя, то есть свободен в собственном смысле слова.

О Москве как запущенной болезни

■ К Пермскому культурному проекту я относился и отношусь двойственno, неоднозначно. С одной стороны, я понимал и понимаю сейчас, что это было форсированное вторжение извне. Это была попытка волевой модернизации сверху. Изменить культурное пространство Перми, по их мнению, можно было только посредством этого вторжения. Они ощущали себя некоторыми инопланетянами или культуртрегерами, которые сейчас пермскую деревню разбудят. Деревня же хочет спать, пить, скандалить и смотреть свои сериалы. Они хотели сделать, как Максим Каммерер в романе Стругацких «Обитаемый остров».

■ У меня также двойственное отношение к Москве. С одной стороны, я понимаю, что без центра Россия — ничто. Россия сложилась как централизованное государство. Как игрушка, нанизанная на стержень, если выдернешь его, то она рассыпается. С другой стороны, я понимаю, что Москва — это мегаполис, а Россия — колония. Россия, если говорить реально, — это московская колония. В худшие моменты мне даже хочется сказать: Москва — это прободная язва России. Но это эмоции. Потом я понимаю, что так легли кости. Такова наша история.

■ Изменить наш центростремительный сценарий непросто. Если вообще возможно. Поэтому культурное вторжение варягов в Пермь я воспринимаю, конечно же, неоднозначно. Если бы целью этой культурной революции